

Щуряташка Анна
Королевство
Тещей

16+

Анна Шулятицкая
Королевство Теней

«Автор»

2020

Шулятицкая А. Б.

Королевство Теней / А. Б. Шулятицкая — «Автор», 2020

После папиной гибели меня стали посещать уродливые неживые существа. Они выходили из безмолвных синих сумерек, проносились через туман и дождь, шептались или тяготили душу своим молчанием. Скорбь не отпускала меня... Может ли мечта разогнать непроницаемую тьму? И кто на самом деле совершает, казалось бы, невозможные чудеса?

© Шулятицкая А. Б., 2020

© Автор, 2020

Нет у теней ни плоти, ни души;
Ни сердца, ни дыханья, ни рассудка...
Вот почему в полуночной тиши —
Среди теней мне холодно и жутко!
Вадим Бакулин

Часть первая

Глава первая ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Страшным шумом был заполнен внутренний двор школы. На крыльце, за тонкими крашеными перилами, стояли громкие ведущие и учителя в нарядных одеждах. Из распахнутых окон выглядывали лица, приобретающие с каждой минутой всё более весёлые и радостные выражения. Ветер вращал гигантские шары в прохладном сыроватом воздухе. Развевался гордо старый флаг, поднятый старшеклассниками.

Я стоял со всеми возле свежей белой линии, за которую нельзя было переступить. Пунцовый букет мой, купленный мамой с рассветом на базаре, поблескивал каплями только-только прошедшего дождика. Рассеянно поднося гладиолусы к острому носу, я неспешно насыщался их сладким, будоражащим ароматом, иногда бросая в толпу умоляющий взгляд из-под плёнки. Мама поднимала высоко фотоаппарат, чтобы запечатлеть момент и улыбалась счастливой улыбкой.

С утра она была сама не своя. Она сделалась невозможной и требовала от меня беспрекословного послушания. В восемь часов (в десять было построение на линейке), пока я ел бутерброды с куриным паштетом, мама усердно хлопотала над макияжем и волосами, а после ржавым утюгом проглаживала клетчатую форму в истрёпанном кресле. Перед тем, как уйти на работу, папа поцеловал её нежно в лоб и пожелал нам удачи.

Его звали Георгий Волков. Вышло так, что по причине его сильнейших тревог, я не ходил в детский сад.

Он решительно верил, что детей обязаны воспитывать родители, а не посторонние, чужие люди, у которых неизвестно что может таиться в голове. Папа был человеком замкнутым и хмурым, но добрым. Он любил тишину в доме, особенно в выходные дни, когда мы с мамой убегали исследовать старый парк, а именно искать разных жуков-пауков, и испытывал явное нетерпение, когда ввязывался в какое-либо дело. Удивительно, но чем яростнее папа злился и ругался на собственные подробные эскизы (никого при этом не стеснясь), тем выше была оценка его трудов. Неизвестно было, какие схемы, таблицы и расчёты заполняли его воспалённый мозг, когда он уже не мог преодолеть себя и, совершенно измотанный нудными буднями и инженерным конструированием, не раздевшись, отдыхал на кровати. Возможно, он не раздумывал так часто о работе, если бы не моя излишняя заинтересованность, проявляющаяся почти во всём, что его напрямую касалось.

Помню, как я проходил мимо его кабинета. Это был небольшой, оклеенный серыми в точку обоями кабинет, густо залитый искусственным светом. Внутри не было никакой лишней вещицы, обращавшей на себя пустое внимание, кроме славного огненного феникса, которого я нарисовал в пять лет и которым безмерно гордился. Оправленный в деревянную рамку, смазанную прозрачным лаком, он висел на стене, напротив стола с прочными ногами, на которых была чуть-чуть поцарапана оливково-коричневая краска. Часто мне удавалось подсмотреть за тем, в какой напряжённой позе папа наклонялся над плотным листом с карандашом и, размышляя, поправлял проволочные очки на переносице. Даже не издавая никаких звуков, он знал, как я внимательно и осторожно засматривался на него. Точно чувствуя сердцем моё присутствие, он сразу отставлял бумагу. Папа поворачивался бледным худошавым лицом, ласково

улыбался сомкнутыми губами и, скоро хлопая по коленям (приглашая, по всей видимости, присесть), спрашивал, как прошёл день. Я выходил к нему и садился в угловое кресло, придвинутое к книжному шкафу, почти скрывающему окно. Я задавал волнующие вопросы и не умел долго усидеть на месте. Мы разговаривали меньше, чем хотелось бы. Когда я надоедал папе, он отдавал большую пиалу засахаренной клюквы и рыжевато-жёлтой облепихи и строго просил уйти в другую комнату. И я торопился до того, как иссякнет его терпение.

Мы были гораздо ближе друг к другу, чем казалось маме. Она не баловала меня различными игрушками и не могла ничем другим, кроме слов, выразить любовь, в то время пока папа без какой-либо трогательности показывал её же, но на деле (приучая к самостоятельности и помогая развивать таланты), как это принято у любого ответственного родителя. Меня, конечно же, тогда подобное положение устраивало. Я не думал жаловаться на родителей, и был бесконечно счастлив, что они меня растили и делали всё ради нашего блага.

На людях мне удавалось побывать редко, а потому я беспокоился, когда оказывался в толпе. Всюду были незнакомцы и незнакомки, пышные банты и сверкающие блёстки, которые летели во все стороны во время выступления гимнастки с тонкими ручками и хрупкими ножками. Я так боялся, что она поломаёт их! Просто глупая девчонка! Не выдержав, я шагнул за белую линию и закричал с искренним возмущением: «Уходи! Уходи! Упадёшь!» Гимнастка расслышала меня, подняла на мгновение лицо и продолжила восхищать присутствующих своей кошачьей ловкостью. Её тело красиво изгибалось в тесном костюмчике, над головой взлетали вьющиеся волосы.

Я вновь встал за линией.

Лепечущие дети тотчас удивились. Взрослые же, толком ничего не поняв, принялись отчитывать меня с немалым удовольствием, словно в восторженной толпе я был единственным ребёнком, и им некого было больше смущать насмешливыми замечаниями.

– Смотри! – проговорил мальчик с алыми щеками.

Он выронил букет хризантем с герберами и дёрнул меня сильно за влажную руку. Сухая же его горячая ладонь с толстыми пальцами показалась мне до ужаса мерзкой. По крайней мере, сейчас, когда надо мной преобладает хорошее настроение, и я, лёжа в одеяле, записываю о произошедших событиях, становится совершенно ясно, что она была приятной и мягкой, но тогда я по глупости с раздражением отмахнулся от неё.

– Это последние! – Он улыбнулся, провожая взглядом усталую гимнастку с сиреневыми лентами, текущими по разрисованному асфальту. Так струится весенняя речушка между влажными серыми камнями.

(Бульк, бульк и мигом в речку!)

– Зачем ты трогаешь меня? – спросил я, растерянно недоумевая. – Когда пойдём в класс?

– Скоро. Совсем скоро!

– А потом домой? – спросил я с робкой надеждой в голосе.

– Потом, потом не знаю куда. Я с друзьями пойду за мороженым.

Я сразу же представил любимое клубничное мороженое в крупном вафельном рожке и облизнулся.

Из холла в середину двора выбежали танцовщицы. Пухлые и яркие, словно белые конфеты, разодетые в плотные разноцветные обёртки, они стали раскачиваться и смешно, и забавно дрыгать бодро задними и передними лапками. Маленькие игривые собачки на арене цирка. Мне самому захотелось присоединиться к их ритмичному танцу!

Веселье рано или поздно заканчивается.

Мы отпустили шары в глубокие чёрные тучи, какие не решались пролиться обильным дождём, а вскоре выстроились парами (в пару мне дали глупую до безобразия девочку, чей голос был удивительно похож на жалобное бляение овцы, у которой насильно отобрали ягнёночка) и поднялись по ступенькам в школу. Там уже началась толкотня.

Детская рекреация на третьем этаже, в какой мне предстояло учиться четыре года, была обставлена розово-жёлто-голубыми кожаными диванами. На высоких полках, до которых дотянуться было сложнее, чем до небес, были выставлены пластиковые горшки с увядшими цветами. (К семи с половиной годам я успел познакомиться с геранью, фикусом, орхидеей, лилией, кактусом и папоротником.) У каждого ученика был шкаф из светлого дерева для верхней одежды и сменной обуви.

Я был не уверен насчёт надёжности своего шкафа и сразу предупредил учительницу, Ирину Андреевну, которая поначалу отчего-то не восприняла мои слова всерьёз.

– Не шути так. Он надёжнее, чем кажется!

– Нет. Он совсем не надёжный. Если вы не проверите, я буду таскать вещи с собой.

Ирина Андреевна раскрыла резко очерченный рот и глупо расхохоталась до слёз. На лбу её проступили тонкие морщины. Она быстро замолчала, нахмурилась и повела детей в кабинет. Перед тем как зайти в класс, я, обиженный легкомысленным отношением к себе, несколько раз попробовал распахнуть и захлопнуть дверцу. Раздалась тихая, немного скучная мелодия.

(Скрип, скрип, ну что ты открываешь, скрип, скрип.)

– Ну тебя! – выкрикнул я и присоединился к всеобщему оживлению.

Кабинет, несмотря на пасмурную погоду, был ярко освещён люминесцентными лампами, в два ряда протянутых по чисто выбеленному потолку. Я качался на стуле и удивлялся тому, насколько был далёк от меня высокий ровный потолок с белыми ламповыми глазами.

В конце первого урока нас угостили сухими печеньями, выдали насыщенные памятки и значки с изображением доброй улыбки.

Мама попросила меня встать около доски в линейку. Я заметил бирюзовый никому ненужный шар, валявшийся вместе с остатками блёсток возле раковины, тотчас подошёл к нему, обхватил обеими руками и, подняв над приглаженной светло-каштановой головой, проговорил:

– Теперь он мой. Только мой.

– Но он же чужой! Так, убери его немедленно. Паша! Он только мешает, шар этот, – проговорила мама натянуто, отведя камеру в сторону.

– Совсем не мешает. Давай я просто буду держать по-другому? – предложил я неуверенно.

– Хорошо, попробуй.

– Вот так.

Я попробовал застыть в задумчивой позе, прислонился к доске, опутанной растяжкой-надписью «Здравствуй, школа!», и, убрав шар к животу, довольно рассмеялся.

– Не смейся. Улыбнись лучше.

– Ладно.

Одноклассники с аппетитным хрустом доедали печенья, насыпанные в неглубокую фарфоровую вазу, и уже затевали безобидные шалости. Родители налаживали общение с учительницей. Она перенюхала все вручённые цветы, обёрнутые сетками и лентами, убрала под стол вазу с мелкими крошками и теперь трудно держалась на высоких ногах. На шее её выступали красные пятна, волосы были нелепо всклокочены сзади.

Я подсел за третью парту к молчаливому презабавному мальчику. Он сосал конфету и листал розовыми пальчиками насыщенную памятку. Мне уж очень хотелось знать, почему этого мальчика никто не приглашал поиграть в тканевом домике.

– Ты кто? – спросил я.

– Человек, – ответил мальчик.

– Это понятно. Как зовут?

– Серёжа.

– Серёжа! Очень приятно. А что у тебя за конфета? Можно и мне такую? – спросил я вежливо.

– Нет, нельзя.

– Почему?

– Я не доверяю незнакомцам. Ты для меня незнакомец, – ответил Серёжа и, ленивым движением закрыв памятку, повернулся к расходящимся угрюмым тучам, между которыми виднелись обрывочки серо-голубой лазури. Кружась, взволнованно щебеча и тускло блестя бархатными и замызганными перьями на свету, пролетали редкие сизые, чёрные, синие, палевые и шоколадные голуби.

– А если мы будем знакомы? Я – Паша! Вот и познакомились. Почему ты сидишь один?

Серёжа вынул из клетчатого карманчика конфету и, повернувшись, положил её на правую половину парты.

Я коротко выдохнул и спрятал конфету в ладошке.

– Ну вот, вот твоя конфета, знакомец. Апельсиновая, между прочим, последняя. А сижу, потому что хочу. А ты почему сидишь? Я тебя не приглашал.

– Потому что больше не к кому сесть. Все веселятся стоя, – сказал я, смутился и, развернув конфету, с удовольствием полизал её, смакуя сладко-кислый вкус, и разгрыз, чудом не обломав оставшиеся молочные зубы.

Серёжа сидел молча, пока я не раскрыл насыщенную памятку.

– Так, посмотрим.

– Что смотреть? Надо делать!

Он сразу же принялся строго поучать меня и легко раздражался, когда я долго размышлял над заданием.

Я приступил к тесту на выбор профессии. Пожарный, нарисованный на плотном мелованном листе, глядел на меня с озорным блеском.

– Проще простого. И что тут непонятного? Не умеешь читать?

– Умею, умею! Всё понятно. Но мне нужно время.

В его нетерпеливой требовательности, сочетающейся с капризной интонацией, заключалась своеобразная прелесть будущего подростка, привыкшего везде и всюду высказывать мнение, может быть, не всегда положительное. Он бы вмешивался во всякое дело, пускай не касающееся его лично, небрежно переворачивал горы, совершал бессчётное количество безрассудных поступков и никогда не жалел об упущенной возможности.

Меня восхищали дети, которым было что сказать.

Я позволял делать замечания родителям, знакомым мальчишкам, но всегда после делался зажатым и страшно стыдился своей невоспитанности. Серёжа был другим. Я мог лишь смотреть на него с неподдельным восторгом и выслушивать верные ответы на задания.

Он решил кроссворд и отыскал лишние вещи на картинке с пузатым коричневым портфелем.

Я произносил слова невнятно, беззвучно, когда хотел ему о чём-либо подсказать и тихо сердился, если моё мнение им не учитывалось.

Но, как бы то ни было, он всё же не был поначалу настолько прямолинеен. В немногие моменты, проявляя терпеливость, Серёжа казался решительным и добрым, в общем, чудным.

В конце праздника, когда мы прочли памятку, к нам подошла милая женщина. Румяная, низкорослая, упитанная, как и сын, она отводила ясные, печальные до тягучей боли голубые глаза, опущённые бесцветными короткими ресницами. Красивое вязаное её платье с объёмными рукавами было стянуто тонким кожаным поясом.

– Кто это? Это твой новый приятель? – спросила она, вынув из холщовой сумочки апельсиновую конфету.

Я невольно улыбнулся.

– Да. Наверное, приятель, – как-то потрясающе просто ответил Серёжа. – Ната! – проговорил он, представив меня матери. – А можно мы погуляем у нас во дворе?

Наталья съела конфету, спрятала надёжно обёртку в самом мелком карманчике сумки и проговорила:

– Да. Так, и как же зовут, наверное, приятеля?

– Паша он, – сказал Серёжа, весело ухмыльнулся и передал матери памятку с мятым верхним углом. – Такой смешной, такой смешной! Ничего не умеет. Прямо не от мира сего! Мне пришлось всю памятку выполнять за него.

– О, даже так, – проговорила равнодушно Наталья. – Это оказалось трудным для тебя, не правда ли? – спросила она у меня и добавила добродушно: – Читать не умеешь?

– Читать умею! – чирикнул я гордо. – Даже не по слогам, как некоторые.

Серёжа ошутимо ткнул меня в бок.

– Пришлось остановиться на нескольких словах. Зато я кроссворд решил. Некоторые бы высчитывали клеточки до ночи.

Серёжа рассмеялся беззлобно и звонко, но я на него не на шутку обиделся. Тщательно хранил я обиду, аж до самого прихода моей мамы, которая, переговорив о каких-то непривлекательных штуках с учительницей, решила пойти домой, чтобы продолжить читать сентиментальный романчик. Вдали от игр и шумных разговоров, возле аквариума с золотыми рыбами и телескопами, она уговаривала меня пойти с ней, но я твёрдо стоял на своём и окидывал взглядом Серёжу, казалось, которому собственная идея уже не виделась такой отличной.

Наконец, выпросив разрешение на прогулку, я вернулся к Серёже.

– Ну, что так долго? Я хочу покачаться на качели! – произнёс он жалобно, исказив лицо до неузнаваемости.

– Сейчас пойдём. Не ной, – буркнула Наталья.

Детьми быстро заполнялась площадка. Мы стремительно вбежали во внутренний двор, тонущий в оранжевых лучах опускавшегося солнца, и заняли железные качели. Серёжа отталкивался от песка чёрной неблестящей обувью, беззаботно хохотал, от радости чуть ли не расставляя руки и мечтая, наверное, подлететь высоко-высоко, и марал тем самым песком же низ выглаженных чистых штанов. Устав смеяться, он остановился, и, не сходя с качели, спросил на удивление робко:

– Сядешь ко мне завтра?

В его интонации послышалась необыкновенно мелодичная, тревожная нота. Как поменялся за минутку!

Я поспешил с ответом.

– Да. Обязательно сяду. А что ты беспокоишься? Давай лучше ещё покачаемся? Или пойдём на карусель? Вон, с неё как раз уже сошли.

– Действительно уже сошли.

– Так пошли?

Серёжа серьёзно о чём-то задумался, опустил низко голову. Я подобрался к нему ближе, расплылся в широкой глупой улыбке и неожиданно развеселился. Он переменялся в одночасье и начал отчаянно и больно щипаться. Я позабыл об аккуратности, к которой меня с остервенением приучала мама, и кинулся к песочнице, в какой осторожно переворачивала пластмассовые формочки курчавая девочка в поношенном хлопчатобумажном комбинезоне. Она играла с куличами, обсыпанными подсохшими желтоватыми листьями, и усердно работала синей лопаткой с обломанной ручкой. Мы бегали с Серёжей друг от друга, бросались яростно песком и к прохладному тихому вечеру совсем выбились из сил. Серёжа рухнул на резную скамеечку. Я к нему. Мы провожали сонно огненный шар, заходящий за плоскую крышу многоэтажного дома, облюбованного пугливыми птицами, и отплёвывались от песка.

Как это, оказывается, просто в детстве – быть для другого приятелем!

Глава вторая ВОЛШЕБНЫЕ КАРТЫ

Мама, слегка сгибая пальцы, сидела за круглым столом в длинном мешковатом платье с открытой белой спиной. Ноги её были переодеты в стоптанную обувь на коротком каблуке, а распущенные волосы спрятаны под бурым шёлковым платком. С неестественно тонкой шеи свисали керамические бусы, на холёных крепких руках с обильно рассыпанными тёмными родинками звенели браслеты. Она располагалась в чёрной запущенной комнатухе, больше похожей на кладовку, в окружении сотни сальных свеч и глубоко дышала терпким ладаном, струящимся за облезлым стулом. Дым растекался повсюду.

Я раскрывал нешироко дверь, входил быстро, чтобы сладкий запах не проникал в другие комнаты и садился возле мамы на табурет.

В комнатухе не было видно затейливых массивных масок на стенах, древних книг, бутылочек, наполненных пахучей мутной жидкостью, фарфоровых и глиняных черепков на полках, впрочем, не было всего того, что мучительно давило на нервы и окружало меня на самом деле в избытке. Слёзы текли неспешно. Всеми силами стараясь их сдержать, я наклонился к столу, где мама аккуратно раскладывала потрёпанные карты с причудливыми женщинами, мужчинами и зверями, разрисованными двусмысленными знаками. Карты Таро, так они назывались.

– Ты же умеешь гадать? – спросил я как-то раз.

– Да, умею.

– Погадай мне!

– Нет, – резко ответила мама и погладила меня по голове. – Нельзя.

– Почему?

– Потому что ты ещё совершенно маленький. Рано тебе узнавать будущее.

Она собрала карты в стопку, встала и потушила половину трепещущих свеч. Наши тени почернели ещё больше. Я не унимался.

– Но на других детей ты гадаешь. К тебе же приходят разные люди. Так почему на меня нельзя? Пожалуйста! Мне это так интересно!

– Другие дети чужие. Они не мои. Поэтому я и гадаю на них.

– А все твои предсказания сбываются? Папа говорит, что ты врунья. Ты много врёшь?

Мне было давно известно, что мама не обладала какими-либо экстрасенсорными способностями. Она сознательно занималась притворством и отчего-то восхищала других странных морд. О, эти грубые, страшные, непонятные морды, все кривые и сморщенные, бескровные, невыразительные, все неподвижные, точно лишённые жизни! Кто мог незаметно лишить жизни ничего не подозревающих, глупых и слабых, истерзанных страданиями, людей? Да, и все они ходили к моей маме! Ходили на хромых, слабых ногах, шаркали и несли за собой едкую горечь, несли боль и изо дня в день продолжали подрагивать, не унимаясь на одном и том же стульчике, обитом пышным малиновым бархатом.

Непрекращающийся плач доносился из душной комнатухи. Он не давал уснуть. Иногда мне казалось, что градом лившиеся слёзы принадлежали маме, уставшей от людей, что приходили к ней за советами. Я не переставал думать о том, как было замечательно, если бы странные обездвиженные морды исчезли, испарились, будто призраки, какие редко причиняют серьёзные неудобства тем, кто их по-настоящему видит и искренне верит в них. Как было бы невероятно здорово вновь увидеть папу, радостно целующего маму!

– Я не вру. Даже не думай, что я обманываю. Просто так надо.

– Кому-то надо, чтобы ты говорила неправду? – допытывался я упорно. – А кому? Покажи их мне.

– Для нас. Для тебя и папы.

– Не знаю, как для папы, но мне это не нужно. Не нужно! – проговорил я расстроено и тихонько застонал. – Простая врунья. Папа так говорит.

– Ты же хочешь кушать? А играть?

– Конечно.

– Играть с дурацкими кисточками? У тебя же ими вся тумба завалена. Настоящий пылесборник!

– Кисточки не дурацкие. Они хорошие, – сказал я и, ужасно рассердившись, полностью покраснел. – Не называй их так, не называй!

Рисование было одним из моих любимых занятий после прослушивания таинственных историй, в которых вымысел сливался с реальностью.

– Ладно, не буду. Но только ты пойми, что я ничего плохого никому не делаю. Я утешаю бедных и несчастных, как умею, дарю им свет. За внушение надежд полагается награда. А за награду отец и покупает тебе эти... кисточки. Да и не только кисточки. Краски, резинки, палитры, наборы цветных и простых карандашей с качественными точилками. Надеюсь, ты понимаешь, о чём я говорю?

Я кивнул, немножко расслабился и, вытерев влажный от волнения лоб, спросил:

– Тогда, если ты не можешь мне погадать, я могу посмотреть, как ты гадаешь другим? Ведь это нетрудно?

Мама отвернулась. Её одолевали тягостные раздумья.

– Если, если только другим, – сказала она, не поворачивая нежного красивого лица, раскрашенного неброским макияжем. – Завтра ровно в шесть должна прийти женщина. Она уже приходила и придёт ещё не раз. У неё пропал сын. Такой взрослый, своенравный подросток, вечно вляпывается в какие-нибудь проблемы. Я думала сделать предсказание на рунах, но теперь возьму карты, раз они тебе настолько понравились. Ты останешься и поглядишь на гадание, но должен будешь сидеть тихо и смиренно. Понял? Нарушишь тишину, и я тебя сразу же прогоню. Скажешь хоть слово, выставлю без слов за дверь. И отцу доложу о том, что ты ужасно ведёшь себя в присутствии моих клиентов.

– Понял, – сказал я не без страха.

– А теперь иди. Я уберусь и приготовлю ужин.

Следующим днём после школы я маялся тоскливо ерундой и даже не притронулся к кисточкам, сохнувшим второй день в голубом стаканчике на подоконнике вместе с гуашевыми красками. Папа отлучился на перерыв и, подогрев бульон с белыми грибами, лёг на ковёр с деревянным самолётом в руках, вертя воздушный винт длинным указательным пальцем. Пока я обжигал язык и нёбо, он проверял оценки по математике и листал рабочую тетрадь. Вскоре, как я набил живот сырным батоном, научил меня записывать решение простейших задач и измерять длину отрезка при помощи линейки. Я не выдерживал новой нагрузки, находил повод, чтобы пожаловаться, но переставал отвлекаться сразу же, с терпением перенося хлопоты учёбы, когда папа раздражался и серьёзно твердил:

– Так прикладывать нельзя, лист помнёшь. Не смотри так близко. Считай по пальцам, так проще.

Он мягко отвергал моё недовольство.

В половину шестого дверь в комнату отворилась, и на пороге появилась мама. Я подпрыгнул и на радостях бросился к ней в объятия. Она была подозрительна и угрюма, как осенняя туча, вот-вот готовая пролиться затяжным дождём.

Папа закрыл тетрадь, убрал линейку в пенал с абстрактным узором и, пройдя мимо, скрылся без слов в кабинете.

– Что такое? Та женщина скоро придёт? – спросил я и обнял маму крепче за высокую талию.

– Да. А ты разве не слышал, как она к нам трезвонила?

– Не слышал. Мы были заняты. Хочешь увидеть, что я умею?

– Конечно. Только давай потом, хорошо? Пройди в комнату и сядь на табурет, что стоит близко к углу. Ничего не трогай. Я пока встречу клиентку.

– Я всё сделаю, как ты скажешь.

Она ушла в коридор, а я смело шагнул в чёрную комнатушку, освещённую неяркими свечами в канделябрах, чистый свет которых разгонял темноту.

Я сел на табурет возле орехового шкафа и, не шевелясь, стал ждать маму с её глубоко взволнованной клиенткой.

Они вошли через минуты две и закрыли тихо дверь.

Женщина, о которой мне без живописных подробностей было рассказано, отдалённо напоминала странных, неподвижных морд. Живая, действительно живая! Какое счастье, что она живая! И робкая, и неуклюжая, но чересчур гордая для того, чтобы изливать душу при ребёнке, она скромно устроилась на малиновом бархате, сложила руки на полной, учащённо вздымающейся груди и спросила приглушённо:

– Это ваш сын? Какой прелестный! Кругленький, розовенький! Сколько ему лет?

– Семь. Весь в отца пошёл. Да, он очень хороший и сладкий, как сахар, – бросила небрежную ласку мама и скрипнула стулом. – Давайте-ка перейдём к делу. А он пусть посмотрит. Уж очень хочет посмотреть. Вы не против?

– Маленький мне не мешает, – сказала женщина мягко и поправила волнистые жидкие волосы.

Я испугался перемен в поведении мамы и прекратил добродушно улыбаться. Верно, сейчас она полностью отдавалась работе, и меня для неё попросту не существовало. Как это бывало часто.

– Ну, так вы осмотрели комнату сына? Саша, в прошлый раз мне удалось увидеть в ней предмет, от которого исходит могильный холод. Вы нашли его?

– Да, да. Вот, поглядите. – Александра дрожащей ладонью вынула из сумки что-то, перемотанное тугим куском ткани, и положила его на стол. – Я сама не хочу открывать. Уж очень страшно! Откройте сами. Так страшно, что у меня колени трясутся!

– Что там? – спросил я одними губами.

Мама приспустила ткань, натянула перчатки и без омерзения повертела миниатюрный нож с кольцом на рукояти. Он был забрызган алыми каплями, как лепестками.

Я был удивлён не меньше Александры, широко раскрывшей рот в ужасе, когда мама спросила спокойным, ровным тоном:

– Вы не думали, что у него были серьёзные враги? Знаете, не каждый взрослый носит нож в целях самозащиты, пусть даже и крохотный, как этот. Сейчас я посмотрю по картам вашего сына. Возможно, теперь мне удастся увидеть полную картину происходящего. А вы пока думайте о сыне. Представьте его радостную и очаровательную улыбку, вспомните, как он в последний раз злился на вас из-за того, вы были чересчур заботливы и добры по отношению к нему. Подумайте, сколько приятных и отвратительных слов он не успел высказать вам. Дети бывают дерзкими, но даже дерзкие и наглые любят.

– Как обо всём сейчас вспоминать! – воскликнула Александра и закрыла лицо.

Она судорожно всхлипывала в клетчатый платочек и поминутно вытирала горькие слёзы. После закутала нож сухим хлопком и отправила его туда, где он лежал ранее.

Я прислонился к шкафу с пушистыми резными белками, собирающими кедровые орехи. Вдруг хрустнула ножка табурета. Я на мгновение затаил дыхание. Мама обернулась и грозно сверкнула глазами. Александра убрала платочек глубоко в нагрудный карманчик и, растерев на ресницах фиолетовую тушь, растворилась в полном безмолвии.

Мама, наконец, обрела непоколебимое спокойствие, перетасовала колоду и выдернула оттуда три карты. У меня тревожно и сладко, почти болезненно забились сердце, когда она прошелестела невыразительно:

– Вот как. Пятёрка мячей.

Не было видать лица, выразившего благоговейной сосредоточенности, но я всем своим неокрепшим существом чувствовал, как маме тяжело приходилось принимать Александру. Женщина изнывала в тихом ожидании и глядела бессмысленно на выложенные карты.

Укрыл нервозности тяжёлый зной.

– Что там? – спросила Александра слабо.

В груди появилось противоречивое смутное чувство. От него сделалось нестерпимо душно и неприятно. Я плотнее прижался к шкафу и, не проронив ни звука, стиснул зубы. Хотя у меня и разболелась голова, я старался держаться уверенно и естественно, чтобы не испортить встречу.

– Вы знаете, кто желает зла вашему сыну. Он приходит в дом каждую неделю и приносит сладости и деньги. Карты показывают человека сильного, инициативного, щедрого, но безжалостного и эгоистичного в личных целях. Ему ничего не стоит пойти на обман. На него мне указывает перевернутый Король жезлов. Смотрите, какой у него пронзительный, горячий взгляд! У вас есть знакомый с подобным взглядом?

– Ах, – воскликнула всполошено Александра и поднялась. – Есть. Вот же негодяй! Что он сделал с Максимом?

– Сядьте, пожалуйста. Я не договорила, – попросила мама настойчиво, но мягко. – Беда угрожает и вам.

– Что за беда?

– Об этом нам поведают карты.

Александра слегка качнулась и бессильно опустилась на бархат.

Я же поразился несуразности мысли, которой решила придерживаться мама, и чуть не подскочил с табурета.

Над картами замелькали тревожные картинки. Воздух сгустился, и через стол перемахнул молодой человек. В следующую секунду он яростно набросился со знакомым ножом на плотную девушку с кудряшками. Страх и отчаяние её были настолько сильными, что передавались мне через видение невидимым мощным импульсом.

Я хорошенько запомнил драный брезентовый капюшон, бесследно пропадающий в голубоватом тумане, ботинок с шипами, проходящий сквозь снятый носок, и бульканье, как из котла с ведьмовским варевом.

Увиденная сцена привела меня в смятение.

Картинки исчезли, когда я помотал прядями волос. Голова разболелась ужаснее.

– Мне непонятно, чего именно она коснётся. Беда случится, если вы не поговорите с тем, кто к вам приходит. Ясно вижу, как он общался с Максимом три или четыре дня назад и просил его не появляться дома. Возможно, они давно не могут разрешить конфликт, а делиться гнетущими чувствами (вот, вот Пятёрка кубков!) не хотят, чтобы вы понапрасну не беспокоились. Но вам следует осторожно идти на контакт с человеком, он ненадёжный. Обман есть, и только в ваших силах его раскрыть.

– Стоило сразу поинтересоваться их делами, – пробормотала Александра и вынула платочек. – Ещё что-нибудь?

– Карты советуют поговорить с мужчиной и расспросить его о сыне. Это необходимо сделать в ближайшую неделю, иначе ситуация выйдет из-под контроля, и вам не удастся изменить ровным счётом ничего. Но положение не плохое, как кажется на первый взгляд. Сын вернётся к вам, и вы перестанете мучиться от тоски по нему.

– Нет, нет! Я поговорю.

Александра вытянулась из-за стола и, вдохнув ароматного ладана полной грудью, спросила смущённо:

– Вы возьмёте всю сумму сейчас же? Так неловко... Вы помогаете уже как во второй раз и ничего не требуете особенного взамен. Должно быть, вы добрый человек.

Мама залилась насмешливым хохотом. Как только Александра засияла в грустной улыбке и раскрыла широко сумку, чтобы вытащить деньги, наружу градом посыпался всевозможный хлам. Александра склонилась, чтобы подобрать пачку бумажных салфеток, расчёску и крем-овую губную помаду, закатившуюся под стол для гаданий, но её тотчас же остановила мама. Она сползла на колени, передала клиентке старые вещички и, поднявшись, аккуратно и легко отряхнула юбку от несуществующей пыли.

– Так, по моему нескромному мнению, – перешла мама к преувеличению качества, – обязан поступать тот, кто работает с людьми. Мне важнее, чтобы вы не проливали зря слёзы. Ну, что за дело? Вы должны смеяться, радоваться! В чём смысл острой боли? Боль – это ничего, по сравнению с радостью и покоем. Карты дадут вам столько радости и покоя, сколько пожелаете! Слушайте их советы и верьте.

– Верю, Катенька, верю! Вот хоть ночью разбудите меня, а я скажу, что надеюсь на лучшее.

Александра передала маме две тысячи рублей.

– Это много, – возразила она. – Я не возьму столько. Это неверно.

– Берите, берите! Всё верно, всё правильно.

– Я не приму их. Мы договаривались на полторы тысячи.

– Пожалуйста!

– Ладно. Я вас провожу, – сказала мама и, размяв онемевшие ноги, взяла осторожно клиентку под локоть.

Когда она вернулась, чтобы потушить свечи и убрать карты, я обратился к ней, ощущая, как нарастает беспокойство:

– Я видел Максима.

– Кого?

– Сына этой женщины. Он ударил девушку ножом и сбежал. Сбежал, оставив человека умирать!

– Тебе плохо? – Она убрала руки и, наклонившись, тронула мягко сухими губами мой прохладный лоб.

Слабый поцелуй подействовал на меня самым положительным образом. Я прикрыл глаза от удовольствия и заёрзал на стуле.

– Скажи, ну. Ничего не болит?

– Голова чуток. А так всё в полном порядке!

– А не обманываешь?

– Мне кажется, что её сын прячется, потому что боится наказания. Нож-то нужен, чтобы картошку чистить.

Мама лукаво улыбнулась.

– Ай, какой выдумщик! Встань и убери табурет на нижнюю полку. В шкаф. Да, кстати, нож подойдёт не только для чистки, но и для нарезки. Там есть такое кольцо, которое вешают на ключи. Не понимаю, к чему оно там.

Убирая табурет, я лихорадочно раздумывал. В шкафу вместе с широкими шарфами, накинутыми заботливо на плечики, висели атласные и льняные платья, все мятые и бесформенные, пышные прозрачные блузки и выцветшие кофты. Мама надевала блузки только по праздникам.

– Но это было словно наяву.

– Так, прекрати! Ты увидел, как я гадаю? Увидел. А фантазии побереги папаше своему. Вот он удивится, когда узнает, что тебе ужасы всякие видятся!

Я расстроено убежал в комнату и, схватив под мышку дымчатого тряпичного кота, укрылся с ним под одеялом. Я мало плакал и наглаживал любовно старого кота, пока не отбросил со злости подушку вместе с плюшевым зайцем на пол и понял, что мне стоит делать дальше. Уложив игрушки мирно спать, я сел за письменный стол и вытащил из ящиков плотный белый картон, ножницы и тонкие радужные фломастеры.

Послышался торопливый негромкий стук и сдавленный голос мамы. Она ворвалась не без предупреждения и закудаhtала, точно курица:

– Прости, что я так отреагировала.

– Я тебя ни в чём не виню.

Мама, удивлённо захлопав, под села рядом на низкий стульчик и рассеянно звякнула крохотным хризолитовым брелоком, свисающим с ручки верхнего ящика.

– Тогда обиделся. Правда, прости. Так ты действительно видел убийство какой-то несчастной девушки? Мне очень жаль!

– Чего тебе жаль? Ты не поняла ничего, вот и всё. Потому что ты врёшь! Ты самая настоящая обманщица.

Мама как обычно была абсолютно слепа. Она сильно огорчилась несвойственным мне поведением и оставила в покое качающийся из стороны в сторону брелок. Камешек тонко стукнул последний раз по дереву.

– Так сказать могу и я про тебя.

– Нет. Я докажу, что видел. И ты прекратишь гадать не по правилам.

– Что ж, ты, наверно, глуп, раз думаешь, будто в гадании есть правила. Они не нужны. Это иная материя, дорогой, в ней нет ничего определённого. Нет правил, которым необходимо следовать. Да и зачем мне твои доказательства? Хочешь выставить меня дурочкой, верно? Так ничего не получится. Ну скажи, каким образом тебе удастся убедить меня? Убийство ты увидел, ага, конечно! Выделиться просто хочешь. Подстроишь мелкую гадость и наивно подумаешь, что я не проверю её?

– Нет. Гадостей я не строю. Всё гораздо проще.

– И ты скажешь, в чём заключается простота?

– Нет, мам. Это будет для тебя маленьким сюрпризом, – проговорил я с искренней улыбкой. – Даже если придётся ждать.

– Что ты! Конечно, я подожду! Любопытно, что ты там навывдумывал.

Тогда мне было больше жаль Александру, нежели маму, но я опасался признаться в этом самому себе. Я не чувствовал какой-либо злости или ненависти к неподвижным мордам, потому что знал наверняка; все они, хоть и странные, и мерзкие, всегда оставались непритворными по сравнению с мамой, лицо которой прямо-таки уродовалось от наигранного сочувствия и портилось до безобразия, когда зловеще блистало от живости.

Так, я вырезал из картона двадцать ровных белоснежных прямоугольников, двадцать карт, которые носил в течение двух лет. Некрасивые, уродливые и потрёпанные, они с каждым днём всё больше вселяли в меня неуверенность. С их помощью я не умел видеть тревожные картинки, и этот факт печалил более всего другого, так как я не мог добыть существенных доказательств и тем самым убедить маму в том, что Максим кого-то убил. Я рассказывал обо всех волнениях Серёже, но он относился к подобным чувствам с пренебрежением и даже с неодобрением. В картах ему виделась одна чепуха, одна чушь, какая нравилась одним суеверным девчонкам.

Бывало, я приносил карты в школу и пробовал гадать на задних партах одноклассникам. У девочек с возрастом возникало много проблем, касающихся всякого, а в большинстве своём – безобидного и глупого. (Ну что за беда, если подружка нечаянно оторвала шнурок для теле-

фона?) Хотел смеяться над ними во весь голос, а на деле молчал или поддерживал. Всем в малиннике приятные, ласковые слова подыскивал. Серёжа серьёзно убеждал меня в том, что только таким образом я мог сдружиться с кем-либо ещё, кроме него.

Девочки твёрдо верили в мои видения с тревожными картинками. Они наперебой любопытно спрашивали и строили приблизительные догадки, отчего у меня появился такой редкий дар, и обижались, когда я не отвечал на их нескончаемые вопросы. Серёжа тогда энергично разгонял их. Задерживаясь часто на продлёнке, он разрисовывал раскраски и угощал меня апельсиновыми конфетами, что на сравнительно недолгое время отвлекали от скучных уроков.

– Может, дело в том, что карты ненастоящие?

– Как это? Они самые настоящие! – сорвался с моих губ громкий возглас.

– Слушай, я мало во что верю. Взрослые любят вести с нами, как с маленькими. Разговоры о большой любви (фу, какая гадость!), о Деде Морозе, о Зубной фее, которая в обмен на молочный зуб припрячет под твоей подушкой конфету (открою секрет, это родители подкладывают сладости) или, если повезёт, шоколадку. Они говорят, говорят, да недоговаривают. Либо вообще врут. А кому будет приятно, когда его обманывают?

– Никому.

– Но я знаю, что ты не обманываешь. Потому что, во-первых, ты не взрослый. Во-вторых, ты мой друг.

Когда Серёжа меня впервые гордо назвал другом, стоял серый, промозглый день. В коридоре не прекращалась визгливая возня, в столовой подавали холодный омлет с петрушкой и чай, безвкусный из-за сахара, а я всё равно сиял от счастья.

– Твоя мама, получается – продолжал Серёжа с кривой ухмылкой, – ведьма, раз все внимательно её выслушивают?

– Я не знаю, кто она.

– Неужели никто не догадался? И почему ты вот так сидишь, ничего не делаешь? Вот если моя мама начнёт гадать, я сразу запрещу ей это делать!

– Она слушается?

– Ещё как! – произнёс он, задрал нос, и добавил загадочно: – А ты всё же попробуй пойти другим путём.

Я съел шестую апельсиновую конфету, хотел было приняться за уроки, но тотчас отложил книжку по русскому языку. Серёжа страшно заинтриговал меня.

– Каким?

– Возьми её карты.

Я удивился тому, с какой лёгкостью он говорил о чужих картах, и с самого начала решил для себя, что ни в коем случае не украду их. Кража бы означала, что у меня не было совести. Но совесть имелась, в полном комплекте и, так сказать, в полной боевой готовности. Она сразу взбунтовалась, когда услышала Серёжины слова, и долго не унималась. Настолько была взбуждена!

– Нет.

– Как? Ты должен.

– Ничего я не должен. Даже не начинай. Меня будут обзывать вором. Я не вор.

– Мамины карты – твои карты, – серьёзно проговорил Серёжа. – Ты не вор. Не бери их в школу. Просто погадай там, в чёрной комнате, когда никого не станет дома.

Я был растерян, измучен сомнениями. Мама ведь не ошибалась насчёт ранних гаданий? (Самодельные карты не считались, так как в них не было никакого толку.)

– А на кого гадать?

– Да на кого хочешь! На себя. Если ничего не выйдет, ты же наверняка расстроишься? – спросил Серёжа и закончил раскрашивать огромную пожарную машину.

– Да. А я не хочу больше расстраиваться. Никогда.

– Правильно. Так и говори! Ты очень уверенный, это здорово, – сказал Серёжа и дружески потрепал меня по плечу. – Нет, хватит говорить. Действуй, Паша!

Но я всё же не был до конца уверен в том, что поступаю правильно и две недели вёл достаточно тихую и робкую жизнь, не решался перешагнуть порог чёрной комнатухи, в которую толпами по вечерам наведывались плачущие морды. Александры среди них давно уже не было. Она приходила к маме в последний раз месяцев девять назад и деликатно добывала информацию о сыне. Мне было неизвестно, чем закончилась история, а потому досадно и жаль.

Мама, без конца занятая работой, часто отказывалась провожать до школы. Вместо неё меня под руку брал папа. Мы проходили возле детского сада, где в маленьких шапках с завязками играли малыши, мимо киосков с жирным шоколадным пломбиром и спорили о том, какой вкус бы купил человек, идущий нам навстречу. Папа испытывал неловкость, когда я поднимал серые глаза и спрашивал обеспокоенно:

– А как же твоя работа? Ты не работаешь?

– Работаю. Ты пока один не дойдёшь, так ведь? Хотя я знаю, что ты пробуешь быть самостоятельным. Видел, как завтрак готовил. Это был бутерброд с хрустящей корочкой?

– Скорее, чёрный сухарь.

– Не всё сперва получается удачно. Но это не означает, что пора складывать руки.

– Я ни за что их не сложу. Но мне без тебя правда не дойди! – отвечал я и озарился в ласковой улыбке. – Веди меня, пап. Веди.

– Держись рядом.

Папа увлекал меня в доверительные разговоры, встречал весело из школы и лелеял до тех пор, пока меня не стали угнетать первые признаки одиночества, появившиеся совершенно неожиданно. Временами я замыкался в себе и не общался с Серёжей, который, несмотря ни на что, всячески поддерживал меня. Он приносил всё больше апельсиновых конфет, а после того, как я отказывался от них, предлагал угощение Ирине Андреевне, которая, кажется, за два года успела располнеть. Она сделалась неповоротливой и мало ухаживала за кожей и ногтями. Вероятно, с ней стряслось несчастье. Может быть, и наоборот.

Я ждал хоть какого-нибудь знака, который бы указал на правильность моих действий, и глядел с невыносимым напряжением на дверь, за которой лежали карты. Когда ничто не подало мне знака, я начал следить за мордами, которых комнатуха жадно пожирала. Люди втягивали плечи, складывали руки

(я ни за что их не сложу)

и, погружаясь в глубокий траур, болели.

Наконец, приняв окончательное решение, я проник внутрь,

(когда никого не стало дома.)

включил тусклую лампу и, перевернув все платья, нашёл в одном из них карты. Обронил их холодно на стол и уселся на высоком бархатном стуле. Я представил, что случится, если меня поймут за постыдным занятием, и взялся без промедления за дело. Я вынул три карты, но никаких тревожных картинок не заметил. Вытащил ещё две, основательно разворотив колоду. После поёрзал от негодования, вскочил с места и, подняв все раскиданные мятые платья, с быстротой молнии развесил их по плечикам. Мне вдруг стало так тяжело, так тяжело, что я громко закашлялся и, зажав кулаками глаза, горько разрыдался. И шёпот нёс тихий в пустоту: «Карты, карты, покажите картинки, ну покажите, пожалуйста!» Они не отзывались.

Я притронулся к колоде и затем убрал руку. Она горела неистовым огнём.

Вмиг преобразилась чёрная комнатуха! Стремительно замелькали таинственные образы, сотканые из множества танцующих серебристых нитей. Лампа вдребезги рухнула с тумбы, когда её коснулась чья-то невесомая и прозрачная рука. Меня поглотил знакомый голубоватый туман, густой, почти шелковистый на ощупь. Я охнул, когда увидел папу, выходящего из коридора в длинной рубашке навывпуск и в клетчатых тапочках. Комнатуха произвела на

него неотразимое впечатление. Я кинулся к папе в смущении и растерянности, но не добежал, а упал рядом бессильно на колени, сильно порезавшись об осколки бледной лампы. Он сразу же взял меня на руки и усадил на стул, предварительно скинув со стола волшебные карты. Волнению удалось успокоить боль, пронзающую ноги.

– Ты видишь туман?

– Вижу.

– Я не должен был доставать карты! Мама предупреждала, что рано. Как нам их убрать?

Если она увидит, что я здесь всё испортил!

– Успокойся.

– Но она рассердится!

– Сейчас я обработаю колени, – сказал преспокойно папа. – Никто не будет сердиться.

Он сделал мне умелую перевязку. Я глядел глупо в пол, теряющийся в тумане, иногда взглядом окидывая карты, выступающие из-под мощно клубившейся пелены, похожей на пену волны, разливающейся по берегу.

– Спасибо большое.

– Всегда пожалуйста! Так что же тебя пугает? Мама? – спросил он бодрим голосом.

– Меня пугает то, что она может сделать со мной, если я послушаюсь её.

Но, если говорить по правде, мама никогда сурово не наказывала меня. Тычков и затрепчин она не раздавала, в угол не загоняла, а после проступков так и вовсе проявляла абсолютное безразличие.

– Но что она сделает тебе? – спросил папа, чуть ли не смеясь. – Что сделает тебе эта несносная участливая женщина, у которой хватает сил на одни карточки? Между прочим, карточки лёгкие и очень простые. А ей от этого не проще. Тебе не стыдно?

– Мне не стыдно. Почему?

Он молчал. Я поднял резко голову. Передо мной сидел незнакомый человек, смутно напоминающий папу.

Он был бледен как полотно, искорёжен. Вообразите овальное тонкое лицо, покрытое старыми ранами, из которых струится сукровица, заляпанные глиной костлявые руки, такие же ноги, отчего-то босые влажные ступни, под которыми застыла коричнево-красная лужа крови. И запах, о, этот душливый сладковатый запах, как у трупа! Стула, на котором сидел человек, не было видно и оттого казалось, будто он неподвижно висел в воздухе, как привидение без белой простыни.

Я попробовал выскочить из комнаты по останкам лампы, но лишь разодрал пальцы. Дверь оказалась запертой. Я судорожно ухватился за короткую изогнутую ручку.

Кровавый незнакомец близко подошёл неторопливой, размеренной походкой и тормознул слева в четырёх шагах, явно страшая спугнуть меня. Но я ничего тогда не видел и не слышал, так как мной овладевал один тошнотворный страх.

– Вы не мой папа! Пустите!

– *Мой мальчик, это я.*

– Уходите!

Незнакомец легко положил пятерню на голову, оставив после себя заметный мокрый след. Я стряхнул ладонь и, беззвучно взмолившись, заколотил по двери, надеясь, что сейчас же появится мама.

Незнакомец повторял ласковым голосом, срывающимся от глубокой печали:

– *Мой мальчик, это я, мой мальчик, это я, мой мальчик, это я!*

Вскоре я очнулся в тёплой постели. Сразу же высунул из-под одеяла ноги, чтобы отыскать раны, полученные при посещении чёрной комнатухи. Не обнаружив ни одного пореза, я распрямился с облегчением и выдохнул весь воздух. После тряхнул всклокоченной головой, на удивление опрятной. Остатки неприятных ощущений совершенно испарились.

В комнату вошли родители. Мама встала возле прикроватной тумбы, на которой мерцала лампа, и пропустила вперёд посеревшего папу. Он поскользнулся на выброшенном кусочке конструктора, поспешил ко мне в грустные объятия.

Я задыхался от стыда и крепко прижимался к нему. Мама куталась зябко в махровый халат с именной вышивкой на спине.

Тут она не выдержала и спросила:

– Паша, что случилось?

– Я не знаю, – произнёс я бесцветным голосом.

– Ты послушался... Никто не давал тебе разрешения заходить туда, а тем более обыскивать шкаф и разбрасывать карты! Зачем они тебе понадобились? – Мама плюхнулась на кровать, скрипнув острыми зубами. – Ну же, не бойся. Ответь только.

– Остановись. Сделай глубокий вдох и посчитай до десяти, – обратился к ней тихо папа. – Мальчик рухнул без сознания. Что бы там он не вытворял... будь мягче и спокойнее. Ты так и меня доведёшь. Да отодвинься ты!

– Я не хотел падать.

– Знаю. Но ты упал, – проговорил твёрдо папа и выпустил меня из горячих добрых рук.

Я прислонился к стеночке и смял уголок подушки. Свет от лампы лился струёй на мягкое изголовье, и золотые брызги, долетая до ковра, оставляли на нём красивую яркую россыпь.

– Я хотел погадать.

– Для чего тебе гадать? Игрушек не хватает, что ли? – спросила с любопытством мама.

– Просто.

Я не хотел раскрывать всей жестокой правды. Но даже если бы я уклонился от расспросов, то в конечном итоге обязательно сорвался на всхлипы и выдал о том, что меня тогда ошарашило. Чёрная комнатуха, оплетённая белёсой паутиной, к чему ты показывала тёмные видения о папе? Он не заслуживал участи, которой ему подготовили твои смертельные пауки!

– Меня не устраивает ответ.

Мама сердито покачала головой и подошла к раскрытому окну.

– Эй, ну скажи же, прекрати молчать! – потребовал расстроено папа. – Давай, давай ты прошепчешь мне об этом на ухо? Согласен? Мы тогда уйдём. Вон, какой сонный.

Чутьочку поколебавшись, я выпалил ему решительно первое, что пришло на ум:

– Это насчёт будущего. Я давно просил маму погадать, а она говорила, что я пока маленький. Но у меня ничего не вышло. Я рассердился, а после, когда бросил карты и думал уйти из комнатухи, но заметил большого паука, ползущего прямо перед носом! В общем, он прыгнул на меня, а дальше... ну, ты же знаешь, что было дальше.

Я изобразил неподдельную тревогу и поцеловал папу в тёплую бритую щёку. Он посмотрел на меня с трогательным умилением, блеснув ярко карими глазами. Мы быстро поняли друг друга.

– Значит, вот оно что. Всего лишь паук! Мерзость какая! Проверить бы комнату, и смести паутину, если она есть.

Мама щёлкнула сухо пальцами по мелкой оконной сетке и напугала длинноногого комара.

Она живо обернулась, когда услышала о чёрной комнатухе.

– Нет, можешь не утруждаться. Я сама разберусь с паутиной. Завтра же, как поднимусь.

– А если её там много?

– Ничего же. Пауки безобидны. Ты их всех передавишь, а я за порог их отнесу, – сказала мама. – Тебе лишь бы бросаться на ничтожных существ. Всё силой решаешь. Как будто кроме силы ничего не существует!

Я спросил неловко:

– Можно мне помочь с пауками?

– Верно, вот ты-то и пригодишься, – проговорила мама и, подойдя ко мне, поразила грубо-ласковым прикосновением. – Отработаешь сполна наказание.

– Хорошо, – сказал я без малейшего волнения. – А теперь я посплю.

Родители вышли. Я закрылся с головой под одеялом. До часу ночи слышалась свирепая ругань, под пятками тонко жужжала мошка.

Надвигалась неотвратимая беда. Я путался в тревожных картинках, как в прочной липкой паутине, и мечтал, чтобы они не претворились в жизнь.

Глава третья

ЧУДОВИЩНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Раньше я считал, что единственная моя проблема заключалась в равнодушии мамы. После видений в чёрной комнатухе я немного подзабыл потрёпанные карты, убрал их на дно ящика.

Жизнь постепенно приходила в норму.

Серёжа продолжал доставать глупыми советами, а я, не забывая делать осмысленное выражение лица, выслушивал его в пол уха, радовался редкой тишине в кабинете, когда наступал завтрак, и почти все шли вприпрыжку за Ириной Андреевной в столовую. Серёжа проводил свободные минуты за водными раскрасками и играми. (Телефоны у нас отличались только по цвету, мой был белый, а его чёрный.) Он был отрешён, когда водил кисточкой по листу. Я рассказывал с удовольствием о фантастических приключениях, написанных в книгах, откопанных в библиотеке, где работал библиотекарь, по совместительству учитель математики.

Ольга Николаевна пряталась за столом с широкими боковыми полками, уставленным учебниками, пестреющими в прозрачных и радужных обложках, жёлтыми ученическими карточками, книгами, научными журналами, атласами в твёрдых папках на металлических кольцах и контрольными тетрадями. Она бегала шумно пальцами по клавиатуре, готовилась усердно к урокам, всякий раз внимательно заглядывая поверх старомодных очков на детей, которые приходили пересдавать работы или же забирать и сдавать учебники.

Я заходил в библиотеку и разваливался с очередной книгой на кожаном диване возле пианино. В иной раз кто-то весело приходил поиграть на нём. Он садился на низкий круглый стул, замирал на мгновение и плавно нажимал на клавиши. Я второпях выскакивал из библиотеки. Бежал всё дальше и дальше от весельчаков, мешавших мне наслаждаться чтением.

Когда Серёже надоело мой счастливо-сбивчивый монолог, он делился цветными карандашами. Я разом замолкал и вынимал их всех из рваной коробки с рыжим котом, забрасывающим нехитрую удочку в пруд.

Пока я увлекался рисованием, Серёжа откладывал недоделанные рисунки и блуждал пальцами по страницам книг. Он всё думал, чем бы таким интересным заняться. В конце концов, начинал дразниться, чтобы вновь услышать, как я бормочу.

В один из дней меня впервые за два месяца забрала из школы мама. Я спешно оделся, пересёк холл, крепко схватил её за влажную тёплую руку и сказал тихо и честно:

– Хорошо, как хорошо! Ты станешь теперь меня водить?

– Придётся, – произнесла мама сухо.

Я расстроено выпустил её ладонь. Она обняла меня и отчего-то беззвучно разрыдалась. Я спросил:

– Но почему ты плачешь? Мам, на нас же смотрят! Уйдём быстрее.

Она безмолвно кивнула и, смахнув незаметно слёзы, ответила шёпотом:

– Поторопимся! У мамы много дел.

– Ты плохо себя чувствуешь? Хочешь, я за тебя их решу? – спросил я смущённо, когда мы проходили возле детского сада. – Клиенты покоя не дают?

– Ага, надоели.

– Может, я поговорю с ними? Вот ты пригласи их в чёрную комнатушку. Всем скажу, что ты устала! Прогоню!

Я мягко улыбнулся одними губами. Мама спокойно посмотрела на меня.

– Спасибо, Паша. Но не стоит.

– Потому что я не знаком с ними? Да, трудно с незнакомыми мордами! Но я бы хоть попытался. Дай только шанс! Один маленький шанс.

– Нет. Дело не в незнакомых... мордах. Я знаю тебя, – проговорила мама нежно.

– Не в них? А в чём же? Стой, подожди, я ничего не понимаю. Где папа?

Она быстро заквакала изрубленными фразами:

– Уехал на встречу. Он жутко был занят над новым проектом. Ночью не спал от волнения. И я вместе с ним. Отец твой умеет трудиться. Он большой умница. Таких умниц, как он, ещё надо поискать.

– Я знаю обо всех стараниях папы. Когда он вернётся?

– Скоро, скоро, – пробормотала мама. – Скорее всего, к вечеру. Если же всёйдёт удачно, он отпразднует победу с приятелями, а ночью уже будет дома. А так, возможно, он купит нам с тобой чего-нибудь сладкого, когда будет проезжать мимо круглосуточного. Хочешь, я позвоню ему сейчас же?

– Нет, не хочу. Мы только отвлечём его. А я сильно хочу, чтобы у него всё получилось.

– Я тоже. Обойдёмся тогда мы с конфетами.

Перед тем как зайти в дом, мама накрошила белого хлеба на влажный люк. Тотчас слетелась крупная стая голубей. Прибежали две тощие собаки с бирками на ушах и чуток пожевали оставшийся мякиш.

Мы поднялись в квартиру и, переодевшись, уселись за кухонным столом, застеленным узкой крапчатой скатертью.

Поговорили об учёбе и о Серёже.

Мама подогрела клубничного молока, прихватила из шкафа раскрытую коробку и тут же, не доходя до стула, сгрызла половину песочного печенья с белой глазурью из сахарной пудры. Я был удивлён, когда, наевшись, она расспросила меня о растрёпанных кисточках, подаренных папой на девятый день рождения. Она вынесла кисточки из ящика и положила их рядом со стеклянной вазой с мармеладом и орехами в шоколаде.

– Зачем они мне сейчас? – спросил я и прихлебнул клубничного молока. – Не хочу рисовать.

– Да? Отнесу, чтобы не мешались, – сказала мама растерянно и ушла в комнату.

Вернулась она в скверном настроении, вся в слезах, затуманивших глаза.

Я не понимал, что с ней творилось, но был твёрдо уверен в том, что это как-то касалось папы.

– Ты займёшься делом?

– Да, займусь. Но сначала посижу в кухне. Погляжу на тебя, на солнце. Там, в комнате, нет ничего подобного. После уйду, подышу свежим прохладным воздухом. И отправлюсь в дорогу.

– Но что это значит? – спросил я, допив клубничное молоко.

Я вымыл кружку в раковине, поставил на сушилку. Потом сел совершенно близко к маме, положил голову на её обнажённое подрагивающее плечо, холодное и твёрдое, как сталь.

– Ты меня услышала?

– Конечно. Как тебя не услышать?

– Ну так что? Ты уедешь на дело, как и папа? – подытожил я угрюмо фразу.

– Уеду, но обещаю, что вернусь раньше, чем он. Ты пока иди делать уроки.

Мама помяла мои волосы и порывисто бросилась в спальню за тряпичной сумкой.

Я стоял под дверью, обхватывая дымчатого кота, и слышал, как мама тяжело дышала, наверняка обливалась потом от томительного беспокойства и, стараясь громко не шуметь, ходила по полу в шерстяных носках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.